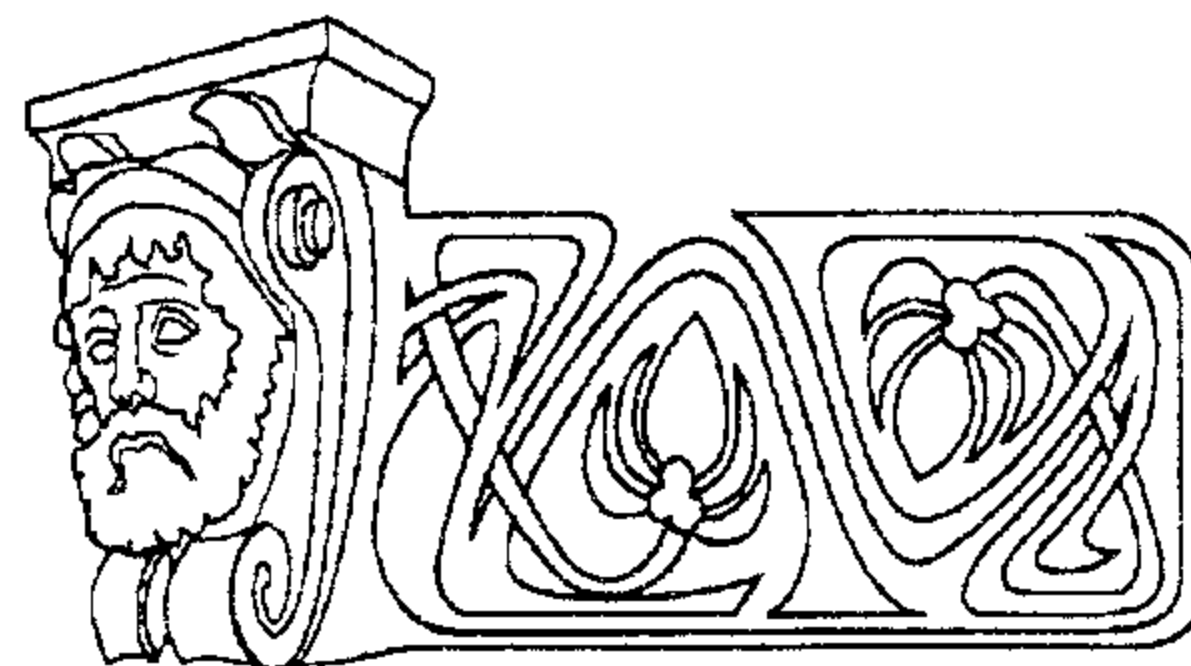

А. П. СКАФТЫМОВ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 882.09 + 929 Скафтымов

А. П. СКАФТЫМОВ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

В. В. Прозоров

Прикосновение к частной жизни замечательного человека, обнаружение его заветных дневников и сугубо личных, интимных писем – часто трудное испытание для публикаторов. Тот самый случай, когда над печатным текстом так и хочется прикрепить лаконичное и строгое предостережение: «Вход посторонним воспрещен»... Но правда заключается и в том, что заинтересованные потомки имеют всё-таки своё право на пристальное знакомство с личностью человека, оставившего исключительно глубокий и самобытный след в истории мировой и отечественной культуры.

Александр Павлович Скафтымов – выдающийся ученый-литературовед, которому дано было в драматически сложном советском XX веке жить по совести, хранить верность непреходящим нравственным ценностям, создать свою признанную гуманитарным миром научную школу, внести мудрый вклад в осмысление важнейших проблем истории и теории художественной словесности, в изучение творческого наследия русских классиков – А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского.

Автор письма (от 5 мая 1910 г.), фрагмент которого приведен ниже, остается для нас неизвестен. Но сам характер его лирической аттестации точно определяет натуру Скафтымова. Перед нами строки, написанные, предположительно, одним из друзей Скафтымова по духовной семинарии (подпись: «Твой Андрей»): «Ты не можешь себе представить, как я по тебе соскучился; чем ты меня приворожил к себе, я теперь доподлинно объяснить не смогу: вероятно уж натура у тебя такая, располагать к себе; нравится твоя простота и задушевность и отклик на чужие беды»¹.

А. П. Скафтымов родился 11 октября 1890 г. в селе Столыпино Балтайской волости Вольского уезда Саратовской губернии в семье священнослужителя. Не стало его 26 января 1968 г. Похоронен Скафтымов на Воскресенском кладбище Саратова – города, с которым тесно связаны жизнь и судьба ученого-педагога. Его путь – это и незавершенный курс духовной семинарии, и учеба на историко-филологическом факультете Варшавского университета (1909–1913), и преподавательская работа в гимназиях Астрахани и Саратова... С 1922 г. Скафтымов – доцент, а затем и профессор, заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Саратовского университета и пединститута.

Его не обошли стороной ни трагедии 1930-х годов, ни жизненные и житейские боли и напасти. Одна из учениц А. П. Скафтымова, профессор Е. П. Никитина напишет позднее: «Много накопилось обид и горечи от прямых политических наскоков и скрытых интриг <...> В послевоенные годы всё это как-то сглаживается и как бы официально отменяется: присуждением звания заслуженного деятеля науки РСФСР, он награжден орденом Ленина. Хотя кто-то все еще не забывает о «бдительности», да и выбитую из колеи личную жизнь не так просто ввести в благополучное русло...»².

Все, кто имел счастье знать Скафтымова, говорят о его стойкости духа, о деликатности и способности располагать к себе других, о подлинном демократизме и нравственной безупречности. И ещё – о хорошем, интуитивно данном практическом знании сложной человеческой психологии.

Вспоминает его ученик и преданный друг, преподаватель филологического факультета Саратовского университета А. П. Медведев: «В нём восхищали два свойства: никогда ни-

кто с ним не говорил резко, грубо, повышенным тоном, неуважительно. Это касалось всех, будь то давно знакомый ему человек или недавно знакомый, будь то люди высокой культуры или «простые» люди. Точно какое-то магнитное поле окружало его и разрушало злые стрелы, злые слова, злые мысли. Второе свойство объясняло это: Скафтымов не только всегда был очень внимателен к людям, но и умел разглядеть то, что в них было хорошего, ценного. Поэтому в своих отношениях с людьми он обращался именно к этой, хорошей стороне человека. Своим уважением он поднимал человека, с которым общался, помогал ему ощущать в себе то хорошее, что в нём было»³.

Учитель Скафтымова по Варшавскому университету профессор А. М. Евлахов в письме от 8 октября 1933 г. обратит своему ученику и другу много стоящие слова: «Хотя мы расстались более двадцати лет назад <...> – какая-то непрерывная нить тянется между нами все эти годы, не порываясь. <...> Вы были бы, пожалуй, единственным из моих «учеников», кому хотел бы я довериться после смерти, когда уже защититься нельзя; Вы бы один как следует меня поняли и объяснили со всеми моими недостатками и достоинствами»⁴.

***

Дневник А. П. Скафтымова 1916 г. посвящен истории любви Александра Павловича к Ольге Александровне Знаменской-Ворошиловой. В этом глубоко личном документе запечатлены светлые и тревожные состояния его души, страстные переживания, связанные с крепнувшим день ото дня проникновенным чувством к его будущей жене.

В 1916 г. А. П. Скафтымов – преподаватель русской словесности и коллега Ольги Александровны по саратовской гимназии А. М. Добровольского. В эту же пору он интенсивно работает над исследовательскими сюжетами, посвященными творчеству М. Ю. Лермонтова. Основательная погруженность в лермонтовские тексты ощутимо обнаруживает себя в скафтымовских дневниковых «вибрациях души»...

Дневник А. П. Скафтымова 1937 г. – исполненная невыразимой боли и душевных страданий, трагическая исповедь, вызванная

смертельной болезнью единственного сына и адресованная жене, преподавателю французского языка в Саратовском педагогическом институте О. А. Знаменской-Скафтымовой.

В это время Ольга Александровна, арестованная по диковинно циничному (и столь привычному для сталинского времени) обвинению «в связи с иностранной разведкой», осужденная на 8 лет, после тюремного заключения отбывала свой тяжкий срок в карагандинских лагерях. Ей разрешена была переписка с мужем. Однажды А. П. Скафтымову довелось даже посетить её в карагандинском лагере. Об этом тоже идет речь в скафтымовских записях.

Безысходность ситуации заключалась ещё и в том, что по мере развития страшной болезни сына крепло убеждение: будь Ольга Александровна дома, вместе с ними, не случись этой насильственной трагической разлуки, – уберегла бы она Павлушу. Александр Павлович так и запишет: «ты своими умелыми заботами дала бы ему здоровье. Был бы он с тобою всё время. <...> Но говорить о тебе, о далёкой, недоступной для нас, мы не могли, мы оба разревелись бы»... В марте 1937 года их сын Павел от скоротечного туберкулеза угас...

Известный русский фольклорист Ю. М. Соколов пробует утешить Скафтымова по поводу трагических событий его жизни, пришедшихся на 1930-е годы: «Вы несете такую огромную и ответственную работу, работаете с признанным всеми успехом, тут бы и развернуть все свои силы и проявить себя во всю ширь в творческой работе, а личные горя одно за другим падают на Вашу голову <...>. Такой жестокости судьбы никак не осмыслишь, не оправдаешь»⁵.

Публикуемые дневниковые записи А. П. Скафтымова бережно хранились Ольгой Александровной Скафтымовой до самой её смерти в 1978 г. В 2001 г. тексты дневников 1916 и 1937 гг. были подарены нашему факультету Ингой Ивановной Самусь (хранителем квартиры О. А. и А. П. Скафтымовых после их кончины).

Тексты дневников публикуются впервые и без купюр, с сохранением авторского правописания и стиля. Орфография и пунктуация в основном приведены к современ-

ным нормам. Подчеркнутые слова выделены курсивом, недописанные взяты в угловые скобки.

Примечания

¹ Цит. по: Коллекция книг и эпистолярный архив в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1981. С. 55.

² Никитина Е. П. Умом и сердцем / Е. П. Никитина // Филология. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 114.

³ Медведев А. П. Школа нравственного воспитания / А. П. Медведев // Методология и методика изучения рус-

ской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.

⁴ Медведев А. П. Школа нравственного воспитания / А. П. Медведев // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 194.

⁵ Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского госуниверситета. Ф. 1. Оп. 1. № 49.

⁶ Там же. № 137.

УДК 882-94 + 929 Скафтымов

ДНЕВНИКИ 1916 и 1937 гг.

А. П. Скафтымов

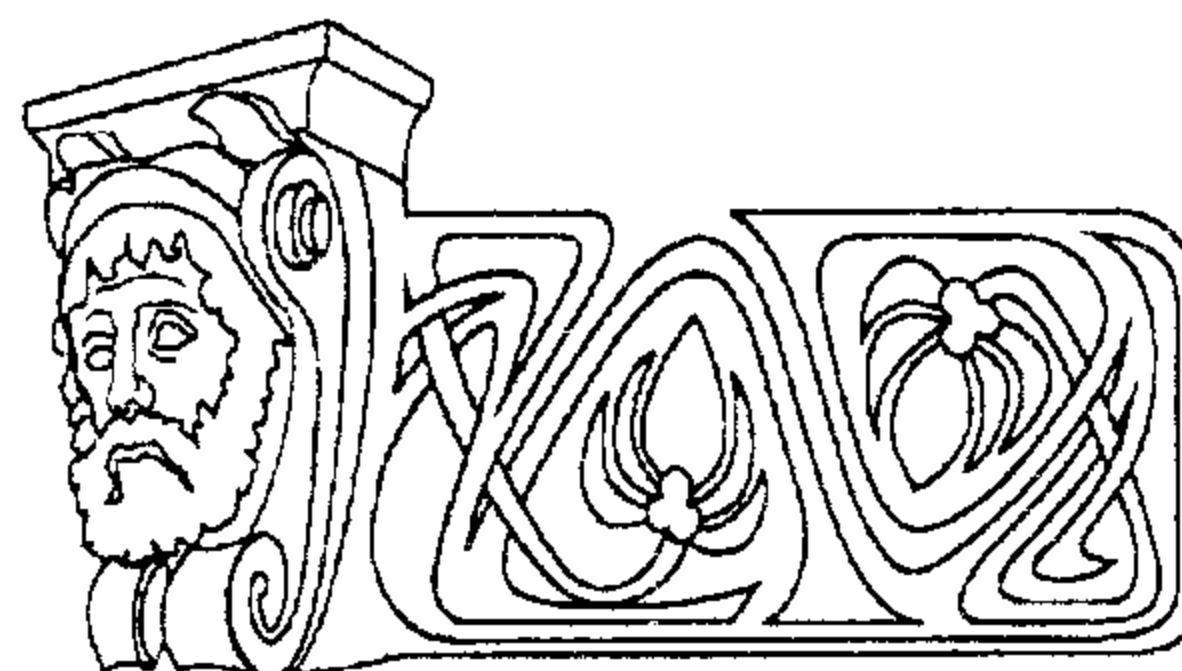
«Быть пред собой честным...»
Дневник 1916 года*

18 ф<евраля> 1916 г. Ночь.

«Если бы Вы¹ были мужчиной, мы могли бы быть друзьями», – приблизительно так я написал. Значит тогда уже почувствовалось близкое. Когда же и это и как началось. Вот вспоминаю ее за все время. Правда, была она всегда симпатична, располагала к непринужденности. Свежестью веяло. Она – форточка, которая всегда утешала и оживляла меня в учительской². Но ведь это было так незаметно. Я никогда о ней не вспоминал. Только среди других школьных впечатлений упомянул в письме к Ш.³ о ней. «Иногда, – писал я, – и в нашей учительской рождается игривое слово. Учит<ельница> фр<анцузского> яз<ыка>, молодая интеллигентная женщина дает к этому настроение и освежает собою атмосферу общего самоудовлетворенного педантизма». Это было так, к слову. Никогда не мог предположить, что она меня может так волновать, как теперь в последние дни. Как это началось? Когда?

У ней ласковый взгляд, чистый смех, нежная улыбка. Улыбается с ямочками. В ямочках и чистота, и нежность, и детство.

* *Позднейшая притиска*: Это писалось только для себя: строгая тайна (совестно было показать даже Вам). Думал, никогда об этом с Вами говорить не буду. И скрывать не хотел, но говорить самому, самому указывать на себя было не под силу.

Да, детство. Что-то ребяческое в ней есть. Может быть, это и есть чистота душевная, светлая непосредственность... А самое странное впереди. Детское в ней есть, но что это? Это не наивность, не незнание жизни и горечи. Что же тогда? Вот я и не понимаю. Это, пожалуй, не что иное, как отсутствие неприязненности к окружающему, симпатическое отношение ко всему живущему. Это, конечно, не есть довольство всем и благословение всему. Нет. Это не исключает негодования. Однако это – симпатическое негодование, оно лишено элемента упоения собственным превосходством. Бывает разное негодование. Одно, самое частое, соединяется всегда у негодующего с чувством своей исключительной пронизательности и порядочности: «а я, мол, не таков». Вспоминаю негодующую фигуру А. П.⁴ Всё он знает, понимает и сам выше всего. Негодует, как будто себя хвалит. У ней не такое негодование, оно лишено эгоистических примесей.

Однако, как же это произошло, что вот я сейчас почти в 2 часа не сплю и думаю о ней. И вчера не спал и думал о ней. Хотя о Лермонтове писал⁵, а думал о ней. Ищу встреч, даже, кажется, смущаюсь. Скучаю. Огорчаюсь неожиданным ее отсутствием. Что со мной сегодня было на концерте?! Она не придет, она ушла домой! И это было несча-

© В. В. Прозоров, публикация, 2005

© А. А. Гапоненков, подгот. текста, примеч., 2005